

М. А. Ширинкина
Пермь, Россия

**РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В АСПЕКТЕ ТОНАЛЬНОСТИ
(сопоставительно с директивными)**

АННОТАЦИЯ. В статье сопоставляются регламентирующие и директивные документы исполнительной власти в аспекте текстовой категории тональности, которая отражает эмоционально-волевую установку типового автора текста, его позицию по отношению к предмету речи, адресату и ситуации общения и включает субполя эмоциональности, интенсивности и волеизъявления. Установлено, что эмотивное субполе в директивных и регламентирующих документах проявляется одинаково — как официальный тон, создаваемый официозными, стереотипными канцелярскими оборотами и книжными языковыми средствами. Субполе волеизъявления оказывается доминирующим в обоих классах документов, однако в регламентирующем подтипе имеет более сложную структуру и выражается четырьмя микросубполями (дозволения, запрета, обязывания и констатации/установления), в отличие от директивного подтипа, в котором представлены только два последних микросубполя. Основные отличия регламентирующего и директивного жанровых подтипов проявляются в степени категоричности предписания. В директивном подтипе категоричное предписание (совершить однократное конкретное действие, направленное на результат, в заданный срок) достигается ярко выраженным преобладанием глаголов совершенного вида и инфинитивных форм. Большое количество глаголов несовершенного вида и личных глагольных форм в регламентирующем подтипе создает эффект сдержанного предписания, распространяемого на длительный временной промежуток, и сопровождается элементами инструктирования, с акцентированием внимания на обязательной последовательности выполнения действия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: официально-деловой стиль; дискурс исполнительной власти; регламентирующие документы; тональность; волеизъявление; функционально-семантическое поле.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Ширинкина Мария Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет; 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: m555a@yandex.ru.

Введение. Текстовые категории — существенные признаки текста — многие годы привлекают интерес лингвистов (Гальперин, 1981; Москальская, 1981; Тураева, 1986 и др.). При этом в фокусе внимания исследователей оказываются разные категориальные признаки текстов: информативность [Рыбакова 1998], модальность [Беляева 1985], диалогичность [Кожина 1986; Дускаева 2004], связность [Котюрова 1988], акцентность [Иванова 1988], авторизация [Лапп 1993], оценочность [Баженова 2001] и мн. др.

Особое место в этом списке занимает категория тональности, вопрос о семантическом содержании которой до сих пор трактуется неоднозначно. Выделим трактовку данного понятия как одного из видов модальности, отражающего отношение говорящего к сообщаемому, или субъективной модальности [Матвеева 1990; Багдасарян 2000; Тагильцева 2006].

В лингвистических исследованиях термин *тональность* встречается сравнительно редко [Halliday 1978; Lukin et al. 2008; Матвеева 1990; Багдасарян 2000; Карасик 1991 и др.]. В частности, М. Халлидей (M. Halliday) считает тональность одним из трех основных параметров *регистра* общения (функциональной разновидности языка), наряду с особой областью (сферой) речевой деятельности и модусом (характеристикой канала общения). При этом тональность в том или ином регистре общения, по мнению М. Халлидея, обуславливается отношениями между участниками коммуникации, отражает уровень официальности этих отноше-

ний, место участников в социальной иерархии и дистанцию между ними [Halliday 1978: 31—35].

Подчеркнем, что тональность официально-делового текста является результатом речевого поведения типового автора, которое главным образом определяется коммуникативной ролью и статусом этого участника общения: автор делового текста как персонификация той или иной официальной организации выше адресата в иерархии социальных отношений. Его цель — предписать типовому адресату нормы поведения и установить порядок осуществления деятельности в конкретной деловой сфере. Отдельный жанр делового стиля (как и любого другого) формируется стремлением автора осуществить данную коммуникативную цель, поэтому вполне обоснованным представляется заключение Т. О. Багдасарян о том, что модель каждого жанра характеризуется особой модельной — «наиболее приемлемой с точки зрения жанра» — тональностью, «которая не несет дополнительной семантической нагрузки и воспринимается слушающим как естественная» [Багдасарян 2000: 5].

Характеризуя сущность жанрового подхода к описанию текстовых категорий, Т. В. Матвеева пишет: «В целом функциональный стиль предстает как сложная организованная структура текстовых категорий, в которой одна-две категории играют роль текстовой доминанты, что качественно видоизменяет речевое представление всех категорий. Функциональные стили различаются схемами категориальных структур,

жанры в пределах функционального стиля — *качественной реализацией* категорий в рамках единой категориальной схемы (выделено нами. — М. Ш.)» [Матвеева 1996: 218]. С учетом наблюдаемого в последние десятилетия в функциональной стилистике снижения уровня стилистической абстракции от макростилей к подстилям и отдельным жанрам представляется чрезвычайно интересным описать такие модельные тональности жанров одной из дискурсивных разновидностей официально-делового стиля — письменного дискурса исполнительной власти (обоснование понятия см. в работе: [Ширинкина 2017а]). Реализация функции государственного управления в органах исполнительной власти осуществляется с помощью предписательных текстов, которые делятся на два подкласса: директивные и регламентирующие документы. Категориально-текстовой анализ близких по коммуникативной направленности жанров позволит установить различия в их тональности, описать спектр преобладающих тональных оттенков.

Цель статьи — выявить особенности выражения текстовой категории тональности в регламентирующих жанрах письменного дискурса исполнительной власти в сопоставлении с директивными (тональность директивного подтипа предписательных текстов рассмотрена нами в статье [Ширинкина 2017б]).

Применяемая нами **методика анализа** тональности опирается на трактовку Т. В. Матвеевой, которая определяет тональность как функционально-семантическую текстовую категорию, отражающую эмоционально-волевою установку автора текста, его позицию по отношению к предмету речи, адресату и ситуации общения и включающую семантические субполя эмоциональности, интенсивности и волеизъявления [Матвеева 2003: 549—552]. В структурно-семантическом отношении тональность оказывается полевым образованием, среди средств выражения которого довольно четко выделяются ядерные и периферийные. Исходя из этого, отправным моментом анализа директивных и регламентирующих жанров письменного дискурса ис-

полнительной власти является определение набора и ассортимента разноуровневых языковых средств выражения каждого из субполей с указанием их места в функционально-семантическом поле категории тональности (в качестве ядерных или периферийных). Следующим шагом исследования, который реализует собственно текстовой подход, требующий учета композиционного фактора (ср. понимание текста как композиционного типа речи, например в работе: [Одинцов 1980]), оказывается анализ расположения языкового инвентаря категории на пространстве композиционных частей текста.

Анализ материала. Обратимся к материалу исследования. Регламентирующий жанровый подтип предписательных деловых текстов составляют *положение, правила, порядок, регламент и инструкция*.

Наиболее сильным перспективным средством формирования тональности в любом деловом тексте является жанровый заголовок (в предтексте), жанровая номинация задает соответствующую модальную установку всему следующему за ней тексту.

Лексикографическое обследование названных выше жанровых номинаций позволяет сделать вывод о том, что их семантика включает следующие семы: 1) *целостность* (положение, порядок, регламент — это свод правил, норм); 2) *порядок* (расположения компонентов); 3) *обязательность* (для исполнения); 4) *правила* (выполнения действий, устройства чего-л.); 5) ориентированность на *адресата*. Эти компоненты семантики названий жанров определяют содержание, стиль и — в особенности — тональность соответствующих деловых текстов.

Как уже было сказано, текстовая категория тональности включает три семантических составляющих (субполя эмоциональности, волеизъявления и интенсивности). Представим структуру функционально-семантического поля тональности в виде схемы (рис. 1).

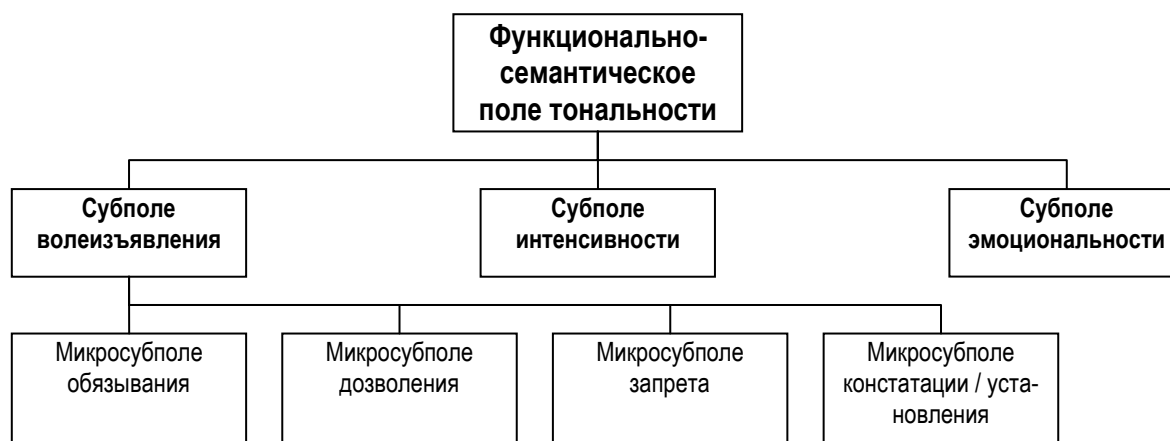

Рис. 1. Структура функционально-семантического поля текстовой категории тональности

Выделение микросубполей, составляющих субполе *волеизъявления*, обусловлено экстралингвистически, а именно применяемыми в правовой практике основными и дополнительными способами юридического воздействия (позитивное обязывание, дозволение, запрет, установление, поощрение, рекомендация и т. д.).

Субполе *эмоциональности* проявляет себя в большинстве деловых бумаг сходным образом, не отличаются в этом отношении и оба класса предписательных текстов (директивные и регламентирующие). Все группы разноуровневых языковых единиц в них способствуют созданию официальной тональности. Этот бесстрастный, выдержанный тон формируют, помимо лексических групп (канцеляризм, официонимов, терминов права и делопроизводства), разнообразие грамматические и лексико-грамматические средства книжности: причастные и деепричастные обороты, отыменные предлоги, абстрактные (в том числе отглагольные) существительные, — пронизывающие все структурно-смысловые компоненты документного текста.

В отличие от предыдущего, субполе *волеизъявления* своеобразно проявляется в документах разных жанровых текстотипов, поэтому следует описать его более подробно. Данное поле в деловых текстах может быть представлено четырьмя микросубполями: *обязывания* (предписания о необходимом поведении), *запрещения* (предписания о недопустимом поведении), *дозволения* (предоставления права), *констатации/установления* (фиксации факта вплоть до его утверждения в статусе закона).

Микросубполе *обязывания* в регламентирующих текстах характеризуется обширным репертуаром языковых средств, несколько отличающимся эти жанры от директивных. Ядерными средствами выражения долженствующе-предписующей окраски яв-

ляются лексемы с семой волеизъявления (*обязанность, полномочия, должен* и др.); жанровые названия документов, также реализующие семантику волеизъявления (*регламент, порядок, правила* и др.); формы настоящего времени глаголов в значении «настоящего предписания»; модально-инфинитивные конструкции (*должен, обязан, следует + инфинитив*); речевые клише деловой речи (*в установленном порядке, соблюдение требований* и др.).

Более детально опишем различия при функционировании микросубполя *обязывания* в директивных и регламентирующих документах. Для тех и других одинаково значимы перечислительные ряды, каждый пункт которых формируется вокруг глагола в форме инфинитива, однако в текстах разных классов они создают отличающиеся друг от друга императивные оттенки. Сравним два примера:

(1) *В целях реализации единой государственной политики... постановляю:*

1. *Учредить* флаг Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

2. *Утвердить* прилагаемые:

а) *Положение о флаге...*;

б) *описание и рисунок флага...*

3. *Установить*, что финансовое обеспечение расходных обязательств, связанных с реализацией настоящего Указа, осуществляется в пределах бюджетных ассигнований (Указ № 686) —

и

(2) *Совет обязан:*

а) *ежегодно, до 1 марта года, следующего за отчетным периодом, направлять в Национальный совет и Национальное агентство отчет...*;

б) *представлять информацию о своей деятельности...*;

в) *в случае прекращения юридическим лицом осуществления полномочий Центра*

обеспечивать выполнение неисполненных обязательств...;

г) *заблаговременно* (не менее чем за 3 месяца) *информировать* Национальный совет об изменении наименования организации (Примерное положение № 758н).

В директивном документе (1) наблюдаем сочетание нескольких инфинитивов глаголов совершенного вида, который, по утверждению А. В. Бондарко, реализует в тексте значение последовательности результативных целостных действий [Бондарко 1971: 16]: действия, перечисленные в пунктах указа Президента РФ, следует выполнить в таком порядке, как обозначено в документе. В регламентирующем документе (2) обнаруживаем сочетание инфинитивных форм несовершенного вида, который, в свою очередь, эксплицирует семантику одновременности действий [Бондарко 1971: 16] и придает тексту характер долговременности и многократности применения предписаний (пока является действующим документ): *действовать* (в данном случае Совет) в одно и то же время обязан осуществлять все названные действия. Инфинитивные формы глаголов несовершенного вида называют в регламентирующих документах постоянные и регулярные конкретные действия, обязательные для выполнения адресатом.

В регламентирующем жанровом подтипе, в отличие от директивного, обнаруживаем дополнительное микросубполе *дозволения*, реализующее семантику допущения — необязательного следования конкретному пункту документа. Дозволение эксплицируется лексемами с семантикой разрешения (*вправе, допускаться, разрешаться* и др.) или сочетаниями указанных лексем с инфинитивами глаголов или отглагольными существительными, называющими допустимые действия субъекта права (*вправе + иметь, допускается + применение*); вводным сочетанием *как правило*: *Министерство образования и науки Российской Федерации вправе иметь геральдический знак — эмблему, флаг и вымпел* (Положение № 466); *Межведомственные комиссии (рабочие группы) возглавляются, как правило, членами Aviационной коллегии* (Положение № 1408). Отметим, что сочетание *как правило* означает 'в большинстве случаев, обычно' и не употребляется в директивных документах исполнительной власти с присущей им высокой степенью категоричности предписания.

Примечательным представляется употребление лексемы *допускать*, посредством которой передается разрешение нарушить некоторые категоричные предписания,

например: *Допускается отклонение не более чем на 10 % только по двум параметрам (кроме размера шрифта)* (СанПиН 2.4.7. 1166-02); *Допускается движение по обочине, если это не создает помех пешеходам* (Правила дорожного движения). Такое частичное нарушение категоричного предписания в тексте регламентирующего документа следует сразу за предложением, содержащим это предписание, и сопровождается детальным описанием особых условий его применения и ограничений.

Еще один компонент волеизъявления в регламентирующем жанровом подтипе, не представленный в директивных документах, — это микросубполе *запрета*. Ядерными средствами указанного микросубполя становятся лексические единицы тематической группы «запрет»: *запрещать, запрещение* и др. Эти лексемы передают идею о '*недопустимости совершать какие-либо действия*', например: *Пассажирам запрещается отвлекать водителя от управления транспортным средством во время его движения* (Правила дорожного движения).

По смысловому наполнению запрет противопоставляется и обязыванию, и дозволению, поэтому тональность запрета реализуется, наряду с указанными, языковыми средствами выражения обязывания и дозволения в сочетании с отрицательными частицами (*не + вправе, не + мочь, не + допускаться, не + разрешаться*): *Увеличение стоимости платных образовательных услуг после заключения договора не допускается, за исключением увеличения стоимости указанных услуг с учетом уровня инфляции* (Правила оказания); *Не разрешается использовать чердачные помещения в производственных целях или для хранения материальных ценностей* (Правила пожарной безопасности).

Подчеркнем, что на синтаксическом уровне описанные микросубполя волеизъявления (обязывания, запрета, дозволения) выражаются пассивными грамматическими конструкциями, выдвигающими на первое место действие, а не действителя (*награждение производится*).

Средства экспликации еще одного микросубполя, входящего в субполе *волеизъявления*, — микросубполя *констатации/установления*, — отличаются от операторов предписания, запрета и дозволения. Как и в директивных, в регламентирующих документах ядерными сигналами констатации и установления оказываются лексемы с семантикой установления (*установленный, положение, правила, порядок*), среди которых производные предлоги (*в соответ-*

ствии, во исполнение, на основании), выражающие цели, мотивы и юридические основания установлений; глаголы в форме настоящего времени в значениях «настоящего констатации» и «настоящего установления» (*являться, определять, устанавливать* и др.), а кроме того, краткие причастия *предназначен, создан, обязателен*: *Министерство образования и науки Российской Федерации является юридическим лицом, имеет печать с изображением Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием* (Положение № 466).

В регламентирующих документах краткими страдательными причастиями совершенного вида *образован, создан* и глаголом несовершенного вида *создаваться* в форме настоящего времени в значении «настоящего констатации» констатируется изменение ситуации (к примеру, образование органа исполнительной власти, совета, комитета, комиссии): *Специальный экспертный совет Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации... создается для осуществления экспертизы соответствия диссертаций...* (Положение № 1446).

К периферийным средствам выражения констатации/установления отнесем предположно-падежные конструкции, употребленные в тематическом заголовке документов (*положение о космонавтах; инструкция об организации и проведении отбора*); простые предложения с составным именным сказуемым с нулевой связкой, обычно констатирующие место нахождения органа исполнительной власти (*Место нахождения Министерства образования и науки Российской Федерации — г. Москва* (Положение № 466)).

В отличие от директивных документов, в которых микросубполе *констатации/установления* реализовано также деепричастиями с семантикой основания, соответствия и назывными предложениями, оформляющими основные реквизиты текста («дату и место составления документа», «подпись» и «регистрационный номер документа»), в регламентирующих жанрах используется только реквизит «гриф утверждения документа», который грамматически представляет собой вынесенные в правый верхний угол перед заголовком документа назывное предложение с уточнением или оборот на базе краткого страдательного причастия, например: *Приложение № 1 к приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 5 мая 2016 г. № 282н* (Порядок № 282н); *Утвержден приказом Госкорпорации „Рос-*

космос“ от 16 мая 2016 г. № 62 (Порядок № 62). Очевидно, что этот реквизит включает информацию о дате, номере, типе директивного документа, вводящего в действие регламентирующий, а также об издавшем их органе власти.

Все перечисленные лексические, морфологические и синтаксические маркеры микросубполя *констатации/установления* формируют в регламентирующих документах особый настрой: субъект речи уверенным, убедительным тоном утверждает, фиксирует, удостоверяет определенные правовые факты, придавая им с момента принятия нормативного документа статус законных (легитимных).

Жанровая специфика выражения микросубполей волеизъявления проявляется не только в их наборе и ассортименте употребленных разноуровневых языковых средств, но и в особенностях расположения маркеров субполя волеизъявления в жанровом текстотипе (собственной композиции сигналов тональности).

В регламентирующем тексте фиксируем такую последовательность расположения маркеров волеизъявления в композиционных частях текста: 1) в реквизите «гриф утверждения документа» проявляют себя и предписание (в жанровом наименовании директивного документа, а также наименовании органа власти), и констатация/установление (при указании даты и номера директивного документа); 2) в жанровом заголовке регламентирующего документа преобладает тональность констатации/установления; 3) в преамбуле наблюдаем также тональность констатации/установления; 4) в основном тексте документа перемежаются компоненты предписания (обязывание, запрет и дозволение), весьма редко проявляют себя констатация и установление фактов. В отличие от директивного, в регламентирующем жанровом подтипе отсутствуют завершающие текст констатирующие пункты и заключительные официальные реквизиты. Подчеркнем, что значительный (по сравнению с директивными жанрами) объем текста регламентирующего документа и акцент на соблюдении последовательности предписываемых действий в целом создает другую тональность документа. Это не безусловный императив, не допускающий возражений, что характерно, например, для указа и приказа, а фиксация постоянного, непрерывного нового состояния какого-либо правового объекта или развивающегося во времени процесса, реализуемого определенной последовательностью конкретных действий.

Субполе *интенсивности* (второй по

значимости компонент тональности после субполя *волеизъявления*) строится как мера волеизъявления в тексте. В документе может происходить как усиление категоричности предписания, так и ее уменьшение. Опишем средства достижения того и другого эффекта, сопоставляя при этом регламентирующие документы с директивными.

Прежде всего обратим внимание на лексические показатели интенсивности — разные по тематике лексемы, несущие в своем значении семантику волеизъявления в сочетании с семемами усиления или ослабления данного действия. Интенсивность императива манифестируется, безусловно, жанровым наименованием документа. Жанрообозначения *положение, порядок, правила, инструкция, регламент*, называющие, как уже было сказано, обязательный для выполнения свод правил, в своем первоначальном значении соотносятся с лексемами *состояние, обстановка, распорядок* и, несомненно, эксплицируют меньшую степень категоричности предписания по сравнению с названиями директивных жанров (*указ, приказ, постановление, решение, распоряжение*).

Степень категоричности предписания может быть усилена в отдельных жанрах (например, в правилах) прилагательными и наречиями, отражающими исключительность предмета, признака и т. д., в том числе входящими в состав стереотипных словосочетаний: *уникальный (план), кратчайшие (сроки), особо значимые (результаты)* и др. Например, в следующем фрагменте интенсивность предписания, выраженного инфинитивами, подчиненными модальному предикативу, поддерживается наречиями, называющими особые качества предписываемых действий: *Каждый работник предприятия (независимо от занимаемой должности) обязан четко знать и строго выполнять требования инструкций и правил пожарной безопасности* (Правила пожарной безопасности).

Прилагательное *обязательный*, употребленное при отглагольных существительных, называющих действия, своей семантикой также усиливает категоричность предписания: *Лица, работающие с ПЭВМ более 50 % рабочего времени (профессионально связанные с эксплуатацией ПЭВМ), должны проходить обязательные предварительные при поступлении на работу и периодические медицинские осмотры в установленном порядке* (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03).

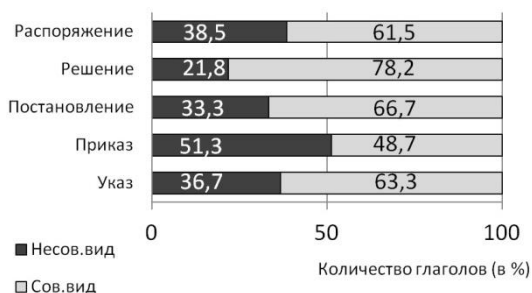
Степень категоричности предписания, напротив, снижается при использовании лексемы *рекомендоваться*, имеющей в со-

ставе лексического значения сему необязательности, свободы выбора: *Для наглядного изображения (график, схема, таблица, диаграмма и другое) рекомендуется применение не более трех красок, в том числе черной* (СанПиН 2.4.7.1166-02). При этом некоторая степень свободы тут же ограничивается сочетанием *не более...* и указанием параметров, которые нельзя нарушать.

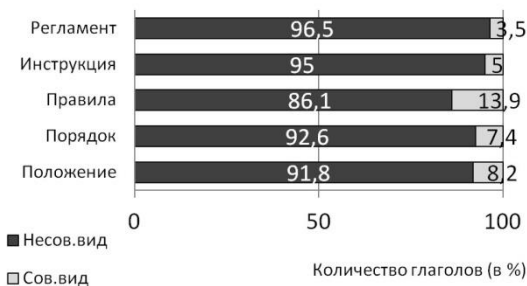
Говоря о семантике интенсивности, считаем необходимым упомянуть о выделяемой в модальной логике темпоральной модальности [Лагута 2000; Ивин 2005]. О. Н. Лагута определяет ее как «выраженную в суждении информацию о последовательности наступления событий и об их постоянном или дискретном характере протяженности», которая эксплицируется «терминами „всегда“, „никогда“, „только“, „иногда“, „раньше“, „позже“, „одновременно“» [Лагута 2000]. Представляется, что темпоральный смысл текста реализуется посредством текстовой категории времени [см. Матвеева 1990], которую мы планируем рассмотреть отдельно. Однако указанные О. Н. Лагута средства выражения так называемой временной модальности, по нашему мнению, способствуют более детальному выражению доминирующей тональности регламентирующих документов — тональности предписания. С помощью перечисленных выше и других операторов (*позже, не позднее срока, одновременно, в срок до*) повышается категоричность предписания и подчеркивается обязательность, неременность и темпоральная отнесенность (ограниченность или довольно большая протяженность) выполнения предписанных документом действий. Проиллюстрируем данное утверждение: *Для предупреждения развития переутомления при работе на... ПЭВМ необходимо... проводить упражнения для глаз через каждые 20—25 мин. работы... а при появлении зрительного дискомфорта... упражнения для глаз проводятся самостоятельно и раньше указанного времени* (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03). Как видим, разные по семантике языковые операторы времени уточняют темпоральную локализованность предписания в документе. Иными словами, по нашему мнению, временные показатели можно считать периферийными средствами субполя интенсивности.

Мы рассмотрели лексические сигналы субполя *интенсивности*, однако грамматические маркеры не менее значимы. Морфологическими показателями этого субполя выступают глаголы с присущими им грамматическими характеристиками. Макростилевые и отдельные жанровые закономерности употребления глагольных форм были опи-

саны М. Н. Кожиной еще в 70-е гг. XX в. [см., напр.: Кожина 1972: 129—130; 140—149]. Уточним выявленные М. Н. Кожиной частные значения и особенности употребления глагольных форм применительно к нашему материалу — регламентирующим жанрам дискурса исполнительной власти. Представляется, что глагольные формы (и соответственно значения), а точнее их концентрация в тексте, придают определенный оттенок тональности волеизъявления, поскольку глагол является ядерной единицей реализации тональности. Нами проведены подсчеты глагольных форм в сопоставляемых жанровых текстотипах (директивном и регламентирующем) с учетом вида глагола и его грамматической формы в тексте (инфинитива / изъявительного наклонения). Для статистического анализа мы взяли по 10 целых текстов каждого жанра внутри указанных текстотипов: а) регламентирующие (положение, порядок, правила, регламент, инструкция), б) директивные (указ, приказ, постановление, решение, распоряжение, распоряжение); всего по 50 целых текстов каждого текстотипа. Результаты подсчетов представим для большей наглядности в виде диаграмм (см. рис. 2, 3, 4, 5).

Рис. 2. Видовое соотношение глаголов в директивных жанрах дискурса исполнительной власти

Рис. 3. Видовое соотношение глаголов в регламентирующих жанрах дискурса исполнительной власти

Очевидно, что соотношение глаголов совершенного и несовершенного видов в регламентирующем подтипе очень отличается от их представленности в директивном под-

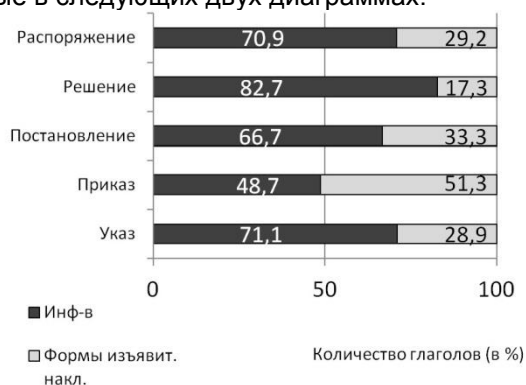
типе. В директивных жанрах количество глаголов совершенного вида распределяется таким образом: оно примерно равно количеству глаголов несовершенного вида в жанре приказа и значительно превышает количество глаголов несовершенного вида в других жанрах. Как известно, в целом значение совершенного вида более конкретно по сравнению со значением несовершенного вида, и следовательно, высокая насыщенность грамматическими формами, несущими семантику конкретности и результативности, а также открытый характер волевого авторского настроя придает директивным текстам строго категоричный тон, которым автор уверенно и безапелляционно предписывает адресату совершение конкретного действия, довольно четко ограниченного временными рамками, для достижения определенного результата.

В регламентирующих жанрах подавляющее большинство составляют глаголы несовершенного вида в обобщенно-фактическом и постоянно-непрерывном значениях (о типах значений см.: [Бондарко 1971]). Глаголы в обобщенно-фактическом значении указывают на сам факт наличия действия и — что особенно важно в нашем случае — на необходимость его осуществления (ср. описание этого значения с данным в работе: [Бондарко 1971: 28]). Глаголы в постоянно-непрерывном значении указывают действия, состояния, отношения, которые осуществляются (или проявляются) постоянно, не повторяются, но и не прерываются, заполняя собой период времени, который охватывают [Бондарко 1971: 30].

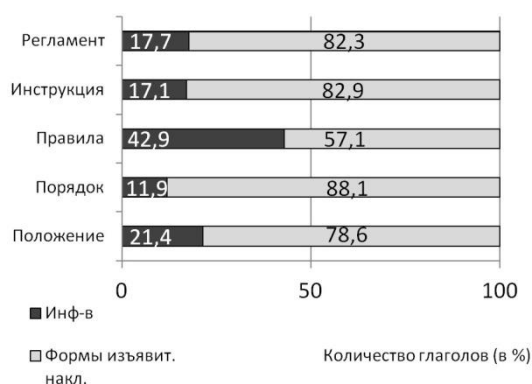
Таким образом, директивные жанры с их концентрированным содержанием глаголов совершенного вида, обозначающих законченные, результативные действия, ориентированы на единовременный конкретный результат, выражение категоричного отдельного управленческого решения исполнительной власти, влекущее за собой зачастую кардинальное изменение ситуации. Регламентирующие документы, насыщенные глаголами несовершенного вида, обозначающими сам факт наличия действия или необходимость его осуществления, а также постоянно-непрерывные действия, состояния, отношения, направлены на сдержанное предписание, выражают некую программу (траекторию, стратегию, даже «сценарий») комплексного управленческого решения исполнительной власти, распространяющегося на довольно длительный временной период.

Интерпретируем теперь количественные показатели употребления инфинитивных и личных форм глаголов в директивном и ре-

гламентирующем жанровых типах, отраженные в следующих двух диаграммах.

Рис. 4. Соотношение инфинитива и личных форм глаголов в директивных жанрах дискурса исполнительной власти

Рис. 5. Соотношение инфинитива и личных форм глаголов в регламентирующих жанрах дискурса исполнительной власти

Данные диаграммы (рис. 4, 5) показывают, что в директивных жанрах употребляется значительно больше глаголов в инфинитиве, чем в формах изъявительного наклонения (кроме жанра приказа, в котором количество инфинитивов и форм изъявительного наклонения глаголов практически совпадает). Инфинитивные формы придают директивным текстам характер строго категоричного императива. В регламентирующем типе инфинитивы малоупотребительны (кроме жанра правил), что существенно влияет на сглаженность, сдержанность предписания.

Таким образом, установлено, что количество инфинитивных форм глаголов совершенного вида, репрезентирующих для адресата категоричное предписание совершить однократное законченное действие, в директивных жанрах значительно превышает количество глаголов несовершенного вида в формах изъявительного наклонения. В регламентирующем жанровом подтипе наблюдается преобладание последних, направленное на спокойное, сглаженное предписание адресату многократно совер-

шать (или не совершать) определенные действия с данного момента и на протяжении длительного временного промежутка (пока документ имеет юридическую силу).

В грамматической сфере важны не только морфологические, но и синтаксические сигналы интенсивности. На синтаксическом уровне показателем, способствующим увеличению/уменьшению категоричности предписания в рамках субполя *интенсивности*, является, на наш взгляд, длина предложений. Так, средняя длина предложения в директивных жанрах составляет 25 слов (от 11 до 32 слов), в регламентирующих — 44 слова (от 19 до 83 слов). В регламентирующем жанровом подтипе длина предложения увеличивается за счет деепричастных и причастных оборотов, придаточных условных и определительных предложений, в которых детально прописываются условия осуществления правовых действий, а также за счет рядов распространенных однородных сказуемых, называющих эти предписываемые действия, права или обязанности органов власти и отдельных должностных лиц. И. С. Гальперин метко называет эту форму представления информации в деловом тексте *предложением-текстом* и дает ей такую характеристику: «Сама форма таких документов информативна. Она подчеркивает равнозначность темы и ремы длинного предложения-текста. Эта форма дает возможность сосредоточить внимание на второстепенных с точки зрения синтаксических отношений частях» [Гальперин 2006: 33]. Действительно, придаточные предложения или однородные члены, оформленные в тексте как самостоятельные пункты, визуально делят текст на автономные отрезки, каждый из которых по отдельности удобнее воспринимать адресату. Эта форма тем более оправдывает себя, что каждый из пунктов несет в себе весьма значимую относительно самостоятельную информацию.

Операторы субполя *интенсивности* располагаются и в директивном, и в регламентирующем подтипах на протяжении всего основного текста. Иными словами, степень категоричности предписания, выраженная языковыми средствами лексического, морфологического и синтаксического уровней, обнаруживает себя в реквизите «гриф утверждения документа», жанровом заголовке, преамбуле, а также разделах и пунктах основной части текста.

В заключение сформулируем некоторые **выводы**. Тональность регламентирующих документов исполнительной власти представлена совокупностью трех субполей (эмоциональности, волеизъявления и интенсивности).

Субполе *эмоциональности* и подавляющее большинство средств его выражения как в регламентирующих, так и в директивных документах имеет стереотипный характер. Официонимы, книжные лексические и синтаксические единицы, стереотипные канцелярские обороты, располагающиеся во всех композиционных частях текста, способствуют формированию особой официальной тональности.

Доминирующую позицию занимает субполе *волеизъявления*, которое имеет в этом жанровом подтипе более сложную структуру, чем в директивных документах. Данное субполе представлено четырьмя микросубполями (обязывания, дозволения, запрета и констатации/установления) — в отличие от двух микросубполей в директивных документах. Широкий набор разноуровневых языковых сигналов волеизъявления характеризуется высокой частотой употребления и особой последовательностью их расположения на пространстве текста: сочетание предписания и установления в грифе утверждения документа, концентрированное выражение констатации/установления в преамбуле, чередование микросубполей предписания с отдельными «вкраплениями» констатации/установления в основной части текста.

Субполе *интенсивности* имеет градуированный характер и реализуется в области категоричности волеизъявления. Именно в степени категоричности волеизъявления и выражаются основные отличия регламентирующих документов от директивных. Проанализированный материал позволяет отметить следующие отличия: 1) в директивном жанровом подтипе гораздо чаще используются глаголы совершенного вида и инфинитивные глагольные формы, которые формируют строго категоричную прескриптивную тональность и выражают идею безапелляционного предписания однократного законченного действия, имеющего четкую временную локализацию и направленного к определенному результату; 2) в регламентирующем жанровом подтипе преобладают глаголы несовершенного вида и глагольные формы изъявительного наклонения, способствующие снижению категоричности предписания, обозначающие факт проявления состояния или необходимость многократного осуществления действия, представленного, как правило, в динамике — строго определенной последовательностью его этапов. Учитывая это, в отдельных жанрах регламентирующих документов на волеизъявление наслаивается тональность инструктирования — разворачивания поэтапного сценария выполнения действия.

Таким образом, исследование документных текстов в аспекте категории тональности дает основания утверждать, что регламентирующий подтип отличается от директивного, с одной стороны, расширенным спектром оттенков волеизъявления, с другой — меньшей степенью категоричности предписания.

ИСТОЧНИКИ

1. Положение о Министерстве образования и науки РФ (утв. Постановлением правительства РФ от 3.06.2013 № 466).
2. Положение о специальном экспертном совете Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки РФ (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 10.12.2015 № 1446).
3. Положение об авиационной коллегии при Правительстве РФ (утв. Постановлением Правительства РФ от 21.12.2016 № 1408).
4. Порядок проведения экспертизы профессиональной пригодности и формы медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ (утв. Приказом Министерства здравоохранения РФ от 05.05.2016 № 282н).
5. Порядок уведомления работниками Госкорпорации «Роскосмос» о возникновении личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов (утв. Приказом Госкорпорации «Роскосмос» от 16.05.2016 № 62).
6. Правила дорожного движения РФ (утв. Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090).
7. Правила оказания платных образовательных услуг (утв. Постановлением Правительства РФ от 15.08.2013 № 706).
8. Правила пожарной безопасности для предприятий и организаций Роскомпечати (утв. Приказом Роскомпечати от 31.08.1995 № 110).
9. Примерное положение о совете по профессиональным квалификациям (утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 19.12.2016 № 758н).
10. СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 03.06.2003 № 118).
11. СанПиН 2.4.7.1166-02. (утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 20.11.2002 № 38).
12. Указ Президента РФ от 20.12.2016 № 686 «Об учреждении флага Федеральной службы войск национальной гвардии РФ».

ЛИТЕРАТУРА

13. Багдасарян Т. О. Тональный компонент модальности в коммуникации: на материале английского и русского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2000. 22 с.
14. Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. — Пермь, 2001. 272 с.
15. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. — Воронеж, 1985. 180 с.
16. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. — М., 1971. 239 с.
17. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М. : УРСС Эдиториал, 2006. 144 с.
18. Дускаева Л. Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. — Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с.
19. Иванова Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности : автореф. ... канд. филол. наук. — Харьков, 1988. 14 с.
20. Ивин А. А. Современная философия науки. — М., 2005. 592 с.
21. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 1991. 495 с.
22. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. — Пермь, 1972. 396 с.
23. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. — Пермь, 1986. 92 с.
24. Котгорова М. П. Об экстралингвистических основаниях

смысловой структуры научного текста. — Красноярск, 1988. 171 с.

25. Лагута О. Н. Логика и лингвистика [Электронный ресурс] : учебное пособие для студентов филол. факультетов. — Новосибирск, 2000. 116 с. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm> (дата обращения: 30.07.2017).

26. Лапп Л. М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». — Иркутск, 1993. 218 с.

27. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 172 с.

28. Матвеева Т. В. Тональность разговорного текста: три способа описания // *Stylistika* V. 1996. С. 210—221.

29. Матвеева Т. В. Тональность // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М. Н. Кожинной. — М. : Флинта : Наука, 2003. С. 549—552.

30. Москальская О. И. Грамматика текста. — М., 1981. 183 с.

31. Одинцов В. В. Стилистика текста. — М., 1980. 263 с.

32. Рыбакова Л. В. Категория информативности в прагмалингвистическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов) : автореф. дис. ... канд.

филол. наук. — Воронеж, 1998. 23 с.

33. Тагильцева Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2006. 22 с.

34. Тарасов Е. Ф. Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // *Основы теории речевой деятельности*. — М. : Наука, 1974. С. 255—273.

35. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М. : Просвещение, 1986. 127 с.

36. Ширинкина М. А. Документы исполнительной власти в функционально-стилистической системе русского языка // *Изв. УрФУ. Сер. 2, Гуманитарные науки*. 2017а. Т. 19. № 2 (163). С. 134—146.

37. Ширинкина М. А. Категория тональности в директивных документах исполнительной власти // *Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2017б. Т. 9, вып. 3. С. 60—68. DOI 10.17072/2037-6681-2017-3-60-68.

38. Halliday M. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. — London : Arnold, 1978. 256 p.

39. Lukin A., Moore A., Herke M., Wegener R., Wu C. Halliday's model of register revisited and explored // *Linguistics and the Human Sciences*. 2008. Vol. 4, No. 2. P. 187—213.

M. A. Shirinkina

Perm, Russia

REGULATORY DOCUMENTS OF THE EXECUTIVE POWER IN THE ASPECT OF TONALITY (COMPARED TO DIRECTORY ONES)

ABSTRACT. *The article compares and contrasts regulatory and directory documents of the executive branch in the aspect of the text category of tonality, which reflects the author's emotional setting and standpoint towards the subject matter, the addressee and the situation of communication, and includes subfields of emotionality, intensity and will expression. It is found out that the emotive subfield in directory and regulatory documents manifests itself similarly and is presented as the official tone generated by official onyms, stereotypical bureaucratic expressions and other means of the bookish language. The subfield of will expression is dominant in both the classes of documents, however, it has a more complex structure in the regulatory subtype and is expressed by four micro-subfields (permission, prohibition, obliging, and statement / setting), in contrast to the directory subtype, which represents only the last two micro-subfields. The main differences between the regulatory and directory genre subtypes manifest themselves in the degree of downtoning of dictation. A strictly categorical dictation (to perform a single specific action), containing clear definiteness of an action and timing of implementation aimed at a certain result, is achieved in the directory subtype through strongly marked predominance of verbs in the perfective and infinitive forms. A large number of verbs in the imperfective form and finite verb forms in the regulatory subtype, on the contrary, create a reserved order for a long period time and is accompanied by instructing tinges with an emphasis on a mandatory sequence of actions.*

KEYWORDS: *official documentary style; the executive branch discourse; regulating documents; tonality; volition; functional-semantic field.*

ABOUT THE AUTHOR: *Shirinkina Mariya Andreevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language and Stylistics Department, Perm State University, Perm, Russia.*

REFERENCES

1. Polozhenie o Ministerstve obrazovaniya i nauki RF (utv. Postanovleniem pravitel'stva RF ot 3.06.2013 № 466).

2. Polozhenie o spetsial'nom ekspertnom soвете Vysshey attestsionnoy komissii pri Ministerstve obrazovaniya i nauki RF (utv. Prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 10.12.2015 № 1446).

3. Polozhenie ob aviatsionnoy kollegii pri Pravitel'stve RF (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 21.12.2016 № 1408).

4. Poryadok provedeniya ekspertizy professional'noy prigodnosti i formy meditsinskogo zaklyucheniya o prigodnosti ili neprigodnosti k vypolneniyu otdel'nykh vidov rabot (utv. Prikazom Ministerstva zdravookhraneniya RF ot 05.05.2016 № 282n).

5. Poryadok uvedomleniya rabotnikami Goskorporatsii «Roskosmos» o vzniknovenii lichnoy zainteresovannosti, kotoraya privodit ili mozhet privesti k konfliktu interesov (utv. Prikazom Goskorporatsii «Roskosmos» ot 16.05.2016 № 62).

6. Pravila dorozhnogo dvizheniya RF (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 23.10.1993 № 1090).

7. Pravila okazaniya platnykh obrazovatel'nykh uslug (utv. Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15.08.2013 № 706).

8. Pravila pozharnoy bezopasnosti dlya predpriyatiy i organizatsiy Roskompechati (utv. Prikazom Roskompechati ot 31.08.1995 № 110).

9. Primernoe polozhenie o soвете po professional'nym kvalifikatsiyam (utv. Prikazom Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity RF ot 19.12.2016 № 758n).

10. SanPiN 2.2.2/2.4.1340-03 (utv. Postanovleniem Glavnogo gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 03.06.2003 № 118).

11. SanPiN 2.4.7.1166-02. (utv. Postanovleniem Glavnogo

gosudarstvennogo sanitarnogo vracha RF ot 20.11.2002 № 38).

12. Ukaz Prezidenta RF ot 20.12.2016 № 686 «Ob uchrezhdenii flaga Federal'noy sluzhby voysk natsional'noy gvardii RF».

13. Bagdasaryan T. O. Tonal'nyy komponent modal'nosti v kommunikatsii: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Krasnodar, 2000. 22 s.

14. Bazhenova E. A. Nauchnyy tekst v aspekte politekstual'nosti. — Perm', 2001. 272 s.

15. Belyaeva E. I. Funktsional'no-semanticheskie polya modal'nosti v angliyskom i russkom yazykakh. — Voronezh, 1985. 180 s.

16. Bondarko A. V. Vid i vremya russkogo glagola. — M., 1971. 239 s.

17. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. — M. : URSS Editorial, 2006. 144 s.

18. Duskaeva L. R. Dialogichnost' sovremennykh gazetnykh tekstov v aspekte rechevykh zhanrov. — Perm' : Izd-vo Perm. un-ta, 2004. 112 s.

19. Ivanova T. B. Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya aktsentnosti : avtoref. ... kand. filol. nauk. — Khar'kov, 1988. 14 s.

20. Ivin A. A. *Sovremennaya filosofiya nauki*. — M., 2005. 592 s.

21. Karasik V. I. *Yazyk sotsial'nogo statusa*. — M., 1991. 495 s.

22. Kozhina M. N. O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi. — Perm', 1972. 396 s.

23. Kozhina M. N. O dialogichnosti pis'mennoy nauchnoy rechi. — Perm', 1986. 92 s.

24. Kotyurova M. P. *Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovy struktury nauchnogo teksta*. — Krasnoyarsk, 1988. 171 s.

25. Laguta O. N. Logika i lingvistika [Elektronnyy resurs] : uchebnoe posobie dlya studentov filol. fakul'tetov. — Novosibirsk, 2000. 116 s. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm> (data obrashcheniya: 30.07.2017).
26. Lapp L. M. Interpretatsiya nauchnogo teksta v aspekte faktora «sub"ekt rechi». — Irkutsk, 1993. 218 s.
27. Matveeva T. V. Funktsional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy. — Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 172 s.
28. Matveeva T. V. Tonal'nost' razgovornogo teksta: tri sposoba opisaniya // Stylistyka V. 1996. S. 210—221.
29. Matveeva T. V. Tonal'nost' // Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka / pod red. M. N. Kozhinoy. — M. : Flinta : Nauka, 2003. S. 549—552.
30. Moskal'skaya O. I. Grammatika teksta. — M., 1981. 183 s.
31. Odintsov V. V. Stilistika teksta. — M., 1980. 263 s.
32. Rybakova L. V. Kategoriya informativnosti v pragmalingvisticheskom aspekte (na materiale angloyazychnykh informatsionno-reklamnykh tekstov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 1998. 23 s.
33. Tagil'tseva Yu. R. Sub"ektivnaya modal'nost' i tonal'nost' v politicheskom internet-diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2006. 22 s.
34. Tarasov E. F. Sotsiolingvisticheskie problemy teorii rechevoy kommunikatsii // Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti. — M. : Nauka, 1974. S. 255—273.
35. Turaeva Z. Ya. Lingvistika teksta. — M. : Prosveshchenie, 1986. 127 s.
36. Shirinkina M. A. Dokumenty ispolnitel'noy vlasti v funktsional'no-stilisticheskoy sisteme russkogo yazyka // Izv. UrFU. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2017a. T. 19. № 2 (163). S. 134—146.
37. Shirinkina M. A. Kategoriya tonal'nosti v direktivnykh dokumentakh ispolnitel'noy vlasti // Vestn. Perm. un-ta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2017b. T. 9, vyp. 3. S. 60—68. DOI 10.17072/2037-6681-2017-3-60-68.
38. Halliday M. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. — London : Arnold, 1978. 256 p.
39. Lukin A., Moore A., Herke M., Wegener R., Wu C. Halliday's model of register revisited and explored // Linguistics and the Human Sciences. 2008. Vol. 4, No. 2. P. 187—213.